

Становление Василия Белокрылова как писателя берет начало от его журналистской практики в районных газетах Воронежской области в 60-е годы XX века. Короткие зарисовки, очерки, рассказы — все, к чему тянулось перо молодого корреспондента, требовало обратной связи. Хотелось это донести читателю. Но — получается ли писать? Стоит ли публиковать? Интересно ли это кому-то еще? Белокрылов не нашел ответа на мучившие его вопросы. И тогда... Тогда он, рядовой районный журналист, принимает смелое решение: обратиться к именитому писателю-фронтовику Константину Михайловичу Симонову. Василий, которому в ту пору минуло 24 года, не был самоуверенным, его терзали сомнения в собственных способностях. На что он надеялся, обращаясь к самому Симонову? Казалось, шансов нет. Но случилось невероят-

ное — Константин Михайлович ответил. Так началось их общение. Переписка длилась тринадцать лет: встречи и разговоры, обмен мнениями, рецензии белокрыловских произведений, помощь в издании первой книги...

В письмах чувствуется благоговение Белокрылова перед именем и творчеством Симонова. И это — глубокое уважение и благодарность за человеческую отзывчивость, протянутую руку помощи и дружбы. К.М. Симонов ввел В. Белокрылова в мир литературы, и все годы жизни поддерживал его в непростом писательском деле, признав еще в начале общения талант начинающего прозаика.

Константин Михайлович тактично советовал и подсказывал, рекомендовал и объяснял. Удивительно то, что когда его мнение о произведении расходилось с оценкой литературных критиков, Си-

монов не пытался спорить, давить авторитетом. Он оставлял оппонентам право на свое видение и шел дальше к поставленной цели. Так он помог Белокрылову не только написать первую его повесть, рецензируя ее в процессе подготовки, но и проделал долгий путь к выходу первой книги провинциального журналиста в московском издательстве.

Письма — это не творчество, обращенное к читателю, это — «беседа, посылаемая от одного лица другому» (по определению В.И. Даля). Но в данном случае следую мнению Ги де Мопассана, сказавшего: «... Черные слова на белой бумаге — это душа нараспашку». Общение «нараспашку» открывает нам и внутренний мир писателей, и взаимное уважение, и обсуждение творчества, и то дружеское тепло, что согревало и поддерживало... Важность писем, на мой взгляд, еще и в том, что послания эти, в те годы обычные, привычные, нынче открывают нам обстоятельства жизни писателей, хронику событий, причины и следствия тех или иных поворотов судеб.

После раздумий пришла к заключению: эта переписка не нуждается в постороннем комментировании — она от-

крыта и понятна. Поясню лишь, что письма сохранились не все, но сегодня собрана, на мой взгляд, максимально полная писательская почта. Частично письма найдены в различных папках и ящиках с белокрыловскими документами, которые собираю четыре года. Дальнейшие мои долгие поиски привели в Российский Государственный архив литературы и искусства (г. Москва), где в фонде К.М. Симонова обнаружила большинство писем Василия Алексеевича и часть эпистолярного наследия Константина Михайловича, адресованного Белокрылову. Там же хранятся и дарственные надписи на некоторых книгах В. Белокрылова.

Благодарна дочери К.М. Симонова Е.К. Симоновой-Гудзенко (г. Москва) за предоставленный доступ к архиву писателя, а также школьному другу В.А. Белокрылова, его однокласснику В.И. Плохих (Тверская область) за то, что в память о писателе разделил со мной затраты на приобретение архивных материалов.

Поиски неизвестных посланий из этой переписки продолжаются.

Татьяна БАГРИНЦЕВА

* * *

03.08.1962.

Уважаемый Константин Михайлович!

Ваш домашний адрес я узнал совершенно случайно и после долгих колебаний решил написать.

Коротко о себе. После окончания средней школы в 1957 году начал работать в редакции районной газеты сначала корректором, потом литературным сотрудником и, наконец, ответственным секретарем. Из одной газеты по не зависящим от меня обстоятельствам попал в другую, в третью. Сейчас работаю в редакции в городе Калаче Воронежской области.

Писать стихи начал, наверное, в шестом классе, но они меня не удовлетворяли. Может быть, потому, что понял — нового уже ничего не скажу, а поиски новых форм успехом, конечно, не увенчались. После окончания десятилетки не написал ни одной стихотворной строчки и уверен, что мир от этого никак не пострадал.

Работая в редакции, даже значительно раньше, пробовал писать в прозе, но выходило что-то беспомощное. Отдельные места мне нравились и казались удачными, в целом же написанное не подходило под определение какого-либо литера-

турного жанра — рассказа, очерка и т. д. Конечно, свои творения я никуда не отсылал, удачные же, на мой взгляд, рассказы печатал в газете. Многие советовали обратиться за консультацией, т. е. узнать мнение какого-нибудь писателя, но я не решался. Дал себе слово сделать это только после того, если напишу что-либо подходящее.

Это «подходящее» (опять-таки, на мой взгляд и по мнению товарищей) начало получаться примерно год назад, и один из рассказов я послал в журнал. Полученная рецензия меня не удовлетворила. Хотелось узнать мнение не только о языке, диалогах, героях. К сожалению, даже об этом мне ничего не написали. Из пяти-шести строк можно было понять, что у меня есть литературные способности, но рассказ напечатать нельзя. Почему, в чем неудача? Эти вопросы постоянно мучают. Над любимым рассказом сижу, как с капризным ребенком, хорошо знаешь о том, что нянька ты еще неумелая, и поэтому хочешь узнать более подробно о написанном тобой. А рецензия, мне кажется, больше напоминала отписку. Это и злило, и отбивало руки.

Мне давно нравится творчество Константина Паустовского. Его язык прост, но самый неожиданный подбор слов, их расстановка, казалось бы, несовместимые понятия, поражают, настраивают долго думать. А настоящее искусство, по моему мнению, тем и ценно, что оно заставляет человека мыслить, т. е. идти дальше того, что описано. Короче, каждая строчка Паустовского сначала настораживает, потом восклицает — «палубы пахли перегоревшей кровью и дымом», «голубые дни... медленно уходили в тихую воду залива», «дождевые капли, падавшие в бокал с пивом со шляпы старого нищего» и т. д., и т. п.

Это изумительно, и мне бы хотелось так писать. Избежать подражания очень трудно, но я старался смотреть на окружающее своими глазами и передавать все через свое личное восприятие. Получилось ли это — не знаю, о себе говорить почему-то и трудно, и неудобно. От кого же услышать, кто может сказать большую правду, которая должна заставить по-иному взглянуть на сделанное тобой? Вот это меня и заставило писать Вам.

Я отлично знаю, как Вам дорого время. Посылаю Вам только письмо, которое, к сожалению, получилось очень длинным. Если у Вас есть возможность посмотреть хоть один мой рассказ (может быть, это и не рассказ), напишите мне, и я немедленно вышлю.

Если у Вас нет времени, напишите тоже. Я не обижусь. Желаю успехов в Вашей работе. С уважением, В. Белокрылов.

Мой адрес:

г. Калач Воронежской обл.,
ул. Тельмана, 39.

4 сентября 1962 года.

Дорогой товарищ Белокрылов! Ну что ж, договорились, присылайте мне один-два рассказа. Только когда будете посылать — черкните где-нибудь сбоку, что рассказы мне Вы посылаете по нашей с Вами договоренности. Прочту — напишу. Если рассказы плохие, то коротко, а если интересные, то подлиннее.

С товарищеским приветом, К. Симонов.

17.09.1962.

Уважаемый Константин Михайлович!

Письмо Ваше получил, за которое большое-большое спасибо. Все делаю так, как Вы просили — к каждому своему рассказу прицепил этикетку, на которой указано, что рассказ посылаю по нашей с Вами договоренности.

Вы мне писали, чтобы я выслал один-два рассказа, но я, извините меня, отпра-

вил Вам четыре. Мне очень дорого Ваше мнение, а такой случай вряд ли представится еще. Еще раз прошу прощения за свою навязчивость.

Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Пишите мне по адресу:

г. Калач Воронежской обл.,

ул. Тельмана, 39,

Белокрылову Василию Алексеевичу.

Желаю успеха в Вашей работе и всего-всего самого наилучшего.

С уважением, В. Белокрылов.

Москва, 26. XII. 62 г.

Дорогой товарищ Белокрылов!

Прочел Ваши рассказы после возвращения из долгой отлучки. Сразу скажу: убежден, что Вы человек со способностями к литературе и что Вам не надо этих способностей закапывать в землю, а надо писать, и дело пойдет.

Могу ошибиться, все мы не застрахованы от ошибок, но думаю, что я прав в своем хорошем ощущении от Ваших рассказов.

Лучший из них — «Манька-Красавка», но хорошее есть во всех четырех рассказах. Слабее всех тот, который был для Вас самым трудным — «Утерянные деньги». А труден он у Вас был потому, что он не просто картинка, не просто момент, не просто наблюдение, а попытка рассказать целую историю, и в этой истории, когда Вы ее рассказываете, есть и удача, а есть и совершенно ученические провалы. А удачи есть — хочу добавить — в каждом рассказе. Есть подробности, которые неопровержимо доказывают, что автор — человек, способный писать прозу.

Рассказы пока не возвращаю. Присылайте еще, напишите поподробнее о себе. Когда получу — прочту, постараюсь показать еще другим товарищам, посмотрим, как быть.

Желаю успеха. Жму руку. Константин Симонов.

(Предположительно — январь 1963 г.)

Уважаемый Константин Михайлович!

Ваше письмо получил накануне Нового года. Это вдвойне радостно, что Вы увидели в моих рассказах капельки удачного, и то, что теперь все 365 дней я буду писать с удвоенной энергией. А писать, конечно, буду, потому что без этого давно уже не могу.

Вы пишете, чтобы я прислал Вам еще что-нибудь. Я это с радостью выполню, но не в полном смысле слова. Дело в том, что готового у меня, кроме коротенького рассказа, ничего нет. «Ночные звуки», которые Вам высылаю, — это попытка рассказать, как иногда человек тянется к другому через робкие ощущения, совершенно не замечая, что давно уже любит. И эта непонятная загадочность лунного света, которая куда-то зовет... В общем, судите сами.

И еще. Примерно месяц назад я начал писать одну большую и серьезную вещь. Именно для меня серьезную, потому что все написанное раньше — это, как Вы выразились, картинки на лирическую тему. А «Навстречу рассвету» (окончательное название — «Под солнцем покоя нет». — Т.Б.) — для меня первая и по тематике, и по языку вещь. Я ее (повесть эту) всю <...> вижу от начала до конца. Первые три главы писались почему-то очень скоро и легко. Это меня и обрадовало, и испугало. А вдруг...

Эти три главы я осмелился послать Вам. Примерно в таком ключе будет написано и дальше, а потом уже, с ростом героя, должен изменяться и язык. Посмотрите и скажите, стоит ли мне продолжать? А весь остов «Навстречу...» у меня в голове. Растягивать не буду, в штрихах хочу показать многое. А вот удастся ли?

Мои письма к Вам — это действительно газетные холсты. Правда, я не болею многословием, но сейчас хочется сказать о многом. Вы пишете, чтобы я написал о себе. Постараюсь как можно короче.

Есть на Среднем Дону старинное село Дерезовка (Воронежская область). Во время половодья улицы заливаются водой, и даже к соседям ездят на лодках. К этому времени уже сады зацветут, и красота кругом... Правда, так было во время моего детства, а теперь уже разливы не те — зимы стали бесснежными. В Дерезовке я и родился в 1938 году. Помню немного, как приходили в наше село немцы, но вижу это как будто во сне.

А потом я учился и каждое лето работал. Отец погиб, а у матери, кроме меня, еще и сын родного брата, который тоже погиб вместе с женой. Летом зарабатывать — значит, в школу ходить. Особенно в средней было тяжело. После десятилетки опять работал, а потом взяли в редакцию — стихи писал, статейки мелкие. Начал с корректора, а потом быстро стал расти, как редактор обо мне сказал.

В газету я мечтал попасть давно. Помню, в четвертом классе прочитал «Героя нашего времени», и тайком от всех, по ночам больше, записывал в тетрадь все, что мне казалось интересным. Сказки даже сочинял. Тетрадь была сшита из нескольких суровыми нитками, а на обложке крупно написал: «Журнал №1». Это я Печорину подражал. Журнала №2 так и не появился, зато я увлекся дневниками, которые вел до 10 класса.

Когда попал в редакцию, все это забросил. Из редакции вскоре пришлось уйти по сокращению штатов. Работал некоторое время в районном Доме культуры, потому что активно участвовал в самодеятельности. Любил гитару, за одно лето выучил ноты, начал играть по нотам и пел. Два раза был в Воронеже на смотрах, получал премии.

Серьезно начал работать в газете с 1959 года, когда районки стали четырехполосными.

Женился 22-х лет. Еще в детстве я перенес серьезное ранение, в 1961 году мне сделали операцию — язва желудка. Врачей я не послушал и начал заниматься гирями, круглый год купался в Дону и теперь об операции совсем уже забыл.

Ну, вот в основном и все. Сейчас работаю в газете, думаю в этом году поступить на заочное отделение факультета журналистики МГУ. Боюсь только немецкого языка, остальное — сдюжу.

Еще раз прошу, напишите мне по поводу трех глав, которые я Вам высылаю. Они, правда, еще сыроваты. Буду писать дальше, а написанное шлифовать.

Писать кончаю, и так мое письмо отнимет у Вас много времени.

Хорошего Вам здоровья и больших успехов в труде.

С уважением, В. Белокрылов.

22 января 1963 года.

Дорогой товарищ Белокрылов, рад был получить Ваше письмо.

Рассказ «Ночные звуки» мне не очень понравился, хотя есть в нем хорошие кусочки, но вообще, на мой лично вкус, он какой-то слишком красивый, а психологически в то же время расплывчатый, неопределенный.

Начало Вашей повести мне понравилось куда больше. По-моему, тут дело может выйти. Советы пока давать Вам рано. Пожалуй, единственный совет — когда будете писать дальше, пишите так же сдержанно, немногословно, как вначале. Не развозите длинных описаний, смело перебрасывайтесь с одного на другое, не заботьтесь о гладких переходах, не бойтесь острого диалога. Все это заложено вначале, вот за это и держитесь. А куда выведете повесть, сейчас, конечно, сказать трудно. От души желаю Вам успеха. Закончите — присылайте!

Вы, судя по началу, сразу пробуете писать без лишней воды, вот так и продолжайте. Пока это мой главный совет.

Жму руку. К. Симонов

P.S. Рукопись пока оставляю у себя. Если будет нужна, напишите — вышлю.

12.02.1963.

Уважаемый Константин Михайлович!

Ваше письмо, как всегда, наполнило меня радостью. Я пишу ежедневно, но уже не так споро, как раньше. Дело в том, что материала много, а он иногда берет надомной власть. И еще одно странное чувство, которое я до сих пор не испытывал. Кончишь главу и чувствуешь себя пустым и маленьким. И все, о чем хочешь писать дальше, кажется далеким, до которого еще надо дожить. И, помимо воли, делаешь перерыв. На день, а то и на два. Вернее, перерыв на вечер или на два, потому что писать приходится только ночью.

Я уже начал седьмую главу. Ваш совет помню и уже немало выбросил лишнего. Вроде и жалко, а потом прочтешь и видишь, что стало лучше.

Во время передышек над повестью я начал один рассказ. Тема эта (обмеление берегов Дона и, вообще, рек) волнует меня давно и, по-моему, важна. Ведь гибнет красота речная, лесная, а это плохо, мне кажется. Так вот. Кое-что у меня уже было из набросков (на охоту ходил в тех местах и набросал в блокнотах), а остальное... Впрочем, Вы прочтете и скажете, получился ли рассказ. Если что не так, то как, на Ваш взгляд, надо, чтобы он дошел. Может, что добавить или, наоборот, выбросить? Мне хочется, чтобы этот рассказ вышел.

Рукопись повести мне не требуется. У меня есть один экземпляр, где я постоянно шлифую.

Извините меня за эти излияния. Еще раз спасибо за Ваше внимание ко мне и к моим литературным прозам.

Желаю Вам быть здоровым и успешно работать. Поздравляю Вас с годовщиной нашей Армии.

С искренним уважением, В. Белокрылов.

P.S. Буду правдивым. Мне уже, Константин Михайлович, стыдно. Честное слово, больше не буду Вам докучать, пока не закончу повесть.

Звание повести я изменил. Изменил и фамилию главного героя. В первых главах, которые я Вам пересылал, кое-что переделал, поэтому попрошу Вас прочесть и те три главы, которые Вы уже читали.

Я внимательно следил за всеми Вашими выступлениями по радио и в печати, и знаю, что у Вас очень и очень много работы. Поэтому прошу извинить меня, если моя повесть оторвет у Вас уйму времени. Меня интересует также, почему Вы вышли из редколлегии «Литературной России»? Если можно, скажите.

С нетерпением жду Вашего ответа. Желаю Вам здоровья и успехов в творчестве. С уважением, В. Белокрылов.

P.S. Мой адрес:

г. Калач Воронежской обл.,
ул. Тельмана, 39,
Белокрылову В.А.

24 февраля 1963 года

Дорогой товарищ Белокрылов! Получил Ваше письмо и прочел Ваш рассказ. Сейчас занят по горло. Поэтому очень коротко. Рассказ мне не понравился. Потом можем об этом поговорить поподробнее. Мой Вам совет, не отвлекайтесь, кончайте повесть, присылайте. Тогда обо всем сразу и поговорим. Рассказ не понра-

вился, а то, что дело будет у Вас получаться — верю по-прежнему и нисколько не меньше, чем верил раньше.

Жму руку. Желаю успеха. К. Симонов

Июнь 1963 г.

Уважаемый Константин Михайлович!

Повесть, наконец, готова. Не буду говорить о ней сам. Это Вы сделаете лучше меня. К тому же я не совсем уверен, что мне в ней все удалось. Чем ни ближе к концу подошла работа, тем больше возникало сомнений, а иногда и охватывал страх.

Писал так, как Вы советовали. Может быть, я сделал неправильно, что постарался уйти от обычных форм. Я старался все сделать по-своему. Меня беспокоит, например, пятая глава. Герой не принимает участия в ней, но мне думается, она нужна, потому что от человека, о котором рассказывается в пятой главе, зависела и судьба главного героя.

В повести (если, конечно, это повесть) я употреблял много местных слов. Но они известны в литературе. Например, я писал «полдней» вместо «полудней», «гарец» вместо «гарнец» и др. Мне кажется, слово «гарнец» (гарницевый сбор) давно умерло, а «гарец» живет. Так называют у нас мерку — посудину наподобие солдатского котелка.

Константин Михайлович! Я не знаю, что Вы скажете о моей повести, но если она не годна, напишите прямо. Если же не удалось отдельные главы, пришлите мне их вместе с Вашей правкой. Правда, у меня остался черновой оригинал, но лучше, если Вы перешлете с Вашими замечаниями.

От кого же услышать, кто может сказать большую правду, которая должна заставить по-иному взглянуть на сделанное тобой?

Вот это и заставило писать Вам.

Я отлично знаю, как Вам дорого время. Посылаю Вам поэтому только письмо, которое, к сожалению, получилось очень длинным.

Если у Вас есть возможность посмотреть хоть один мой рассказ (может быть, это и не рассказ), напишите мне, и я немедленно вышлю. Мои рассказы очень короткие. Если же у Вас нет времени, напишите тоже. Я не обижусь.

Желаю успехов в Вашей работе. С уважением, В. Белокрылов.

Москва, 30.06.1963 г.

Дорогой тов. Белокрылов!

Так меня закрутили обстоятельства и различные отъезды, что до сих пор не добрался до Вашей повести, а прочесть ее хочу, и хочу поскорее. Понимаю Ваше нетерпение, но все-таки потерпите еще немного, скоро доберусь до нее и тогда напишу вам подробно.

Жму Вашу руку. К. Симонов.

P.S. Вы спрашиваете меня, почему я ушел из редакции «Литературной газеты». Ну, что же, ответить на это нетрудно. В мое отсутствие на пленуме Правления Союза писателей РСФСР редактор этого еженедельника и один из его заместителей выступили с различными ложными утверждениями в мой адрес. Так как после этого мне ничего не оставалось, как рассматривать этих людей как лжецов, то я отказался дальше ставить свою подпись рядом с их подписями и вышел из рядов коллегии.

(Предположительно — июль 1963 г.)

Уважаемый Константин Михайлович!

Большое спасибо за письмо, за то, что Вы помните обо мне. Только Вы напрасно беспокоитесь. Я умею ждать и хорошо понимаю, что работы у Вас много, а в сутках всего лишь 24 часа.

Очень жаль, что и Вам приходится сталкиваться с необоснованным зубоскальством из-за угла.

Еще раз большое спасибо за письмо.

Желаю Вам всего лучшего — и в жизни, и в творчестве.

С уважением к Вам, В. Белокрылов.

(Предположительно — октябрь 1963 г.)

Уважаемый Константин Михайлович!

Извините за навязчивость.

Сейчас я в Москве — буду сдавать экзамены на факультет журналистики. И, конечно же, очень хочется увидеть Вас.

30 сентября я, может быть, поступил не совсем тактично, но был у дверей Вашей квартиры. И даже позвонил. К сожалению, Вас не было.

А встретиться с Вами хочется. Я не знаю, есть ли у Вас свободное время. Если можно, сообщите мне или письмом по адресу: Москва, В-234, МГУ «Б» В40, или позвоните по телефону В-9-35-05 или В-9-35-16 (два звонка).

Буду очень рад, если моя мечта — увидеть Вас — сбудется.

С уважением, В. Белокрылов.

(На письме приписка К. Симонова: «Арх. Говорили по телефону»).

Март 1964 г.

Уважаемый Константин Михайлович!

К сожалению, мне не удалось увидеть Вас и во второй свой приезд в Москву.

Мне почти ежедневно приходится или слышать, или читать о Вас — по радио, в газетах, журналах, и это опять и опять говорит о том, как Вы много делаете, и как мало у Вас времени. Поэтому напоминать Вам о себе и неудобно, и немного страшновато. Хочется узнать Ваше мнение о моих пробах и не хочется быть навязчивым. Но Вы понимаете нетерпение человека, который что-то написал и знает, что о его работе скажет свое слово большой Мастер.

Если Ваш отзыв не требует много времени, напишите мне, если же на ответ нужно время, я буду рад, если Вы позволите встретиться с Вами в дни летней сессии.

Больших Вам успехов в работе!

С уважением, В. Белокрылов.

(Внизу приписка: «Копия ответа у Конс. Мих.»)

Москва, 23 мая 1964 года

Дорогой товарищ Белокрылов!

Пишет Вам очень виноватый перед Вами Симонов, который очень давно прочел Вашу повесть до половины, потом, из-за своих собственных дел, так и не смог ее дочитать и только теперь опять прочел — всю сначала.

Повесть меня, как говорится, в общем и целом обрадовала, прежде всего, стоящим героем, а кроме того, многим другим — хорошим и хорошо написанным.

Я думаю, что повесть можно и нужно довести до печати и постараться напечатать ее в «Юности». В принципе, я говорил там уже об этом, и вещь на такую тему, как становление биографии, характера молодого деревенского паренька, их интересуется.

Что, по-моему, надо сделать? Пишу только о главном, потому что повесть у Вас уже отлежалась, и Вы, наверное, сами видите в ней мелкие огрехи.

1. История Хорька и его брата — Шаболина мне кажется пережатой поначалу. Не надо делать этого Вашего Хорька убийцей, подручным у немцев и т. д. Сделайте его просто стервецом, трусом, дезертиром, человеком, имевшим во время вой-

ны судимость за какую-то грязь и дрянь, за воровство, наконец, и скрывшим это, выдающим себя за образцового фронтовика. По сюжету все останется так же, но будет все более обоснованно, реально, а оба брата Шаболины красивей от этого не станут. Красивей не станут, а более похожим на жизнь это будет.

2. Уберите карикатурность в изображении Кысы-Лысы в тот период, когда он приезжает в деревню.

3. Сделайте, чтобы во время своего приезда в деревню Федя, злясь на Тоньку, в то же время чувствовал влечение к ней, испытывал чувство: а почему не я — раз другие? Это влечение будет хорошо сочетаться с этой злостью. Это будет психологически оправдано, и если это влечение вдруг вспыхнет, несмотря на его любовь к Тае, и он подарит себе это не очень чистое, но понятное в данной ситуации, влечение, то, мне кажется, это будет хорошо и психологически верно.

4. Начните, намеками, немножко раньше семейную историю Таи. А то она воспринимается поначалу, как нечто только что вдруг придуманное автором. Не может быть, чтобы что-то из этой домашней жизни не проскальзывало раньше в разговорах Таи с Федей.

5. Не хватает каких-то мотивировок и для письма Таи, и для того, что Федор так долго не реагирует на это письмо. В особенности не хватает мотивировок для ее письма. Подумайте над ними.

Наконец, последнее — самое главное. В конце повести Вы слабее как художник. В описании работы редакции, в диалогах, в сцене летучки много сырого, не увиденного тем цепким глазом, который у Вас есть, когда Вы пишете первую половину повести. Вот тут надо поработать, повозиться, поискать. Больше материальности, сочности. Ведь не только деревенская жизнь материальна со своими красками, запахами, но и городская, газетная, типографская — она тоже имеет такое же количество, хотя и иных, чувственных подробностей. Подумайте над этим.

И, наконец, подумайте над последним разговором Федора и Таи. Под занавес много общих слов, некоторая хрестоматийность. Видимо, Вы хотели написать какую-то значительную концовку. А все значительное уже сказано до этого, концовка может быть самой простой.

Посылаю Вам повесть. Поработайте и присылайте прямо в «Юность» на имя Сергея Николаевича Преображенского — заместителя главного редактора «Юности» — со ссылкой на то, что это та повесть, о которой я ему говорил. Если будет второй экземпляр, присылайте мне, но я буду сильно в разъездах — если Вы пришлете только мне, то дело опять может застрять.

Еще раз прошу у Вас прощения, что так долго держал Вашу вещь, и от всей души желаю Вам успеха.

Ваш Константин Симонов.

(Предположительно — август 1964 г.)

Дорогой Константин Михайлович!

Сразу прошу прощения за то, что высылаю Вам вторичный экземпляр. Машинку удалось взять в всего лишь на полмесяца. Мне хотелось сдержать свое слово — выслать повесть в «Юность» к августу — и перепечатать за этот срок дважды я бы просто не смог.

Я все сделал так, как Вы советовали сделать — изменил историю Хорька, многое выбросил, многое переделал по-другому. Глав стало больше, но в целом объем рукописи увеличился не более чем на пять страниц.

Чтобы не отнимать времени (а время для Вас очень дорого), можете прочитать главы 5, 14, 16, 17, 21, 23 и последнюю — 24. Это те главы, которые я или заново написал, или значительно переделал.

Устранены также многие, как мне показалось, ненужности, отжата вода. Конечно, мне бы хотелось знать ваше мнение о повести в ее теперешнем виде, но если Вы сильно заняты, не надо мне писать ничего.

Повесть я отослал на имя Сергея Николаевича Преображенского с небольшим текстом.

Вы просили информировать Вас о том, как будут идти дела. Если Вас не затруднит, буду делать это с радостью.

Еще раз простите за то, что посылаю Вам рукопись вторичного экземпляра. Всего Вам доброго в творчестве и в жизни.

Уважающий Вас — В. Белокрылов.

(На письме приписка: «Отвечено. Л.А.»)

10.09.1964 г.

Дорогой Константин Михайлович!

В одном из июльских номеров «Литературной России» появилось сообщение о том, что в Воениздате вышла стотысячным тиражом книга Ваших стихов «Три тетради». В книгу, наверно, включены почти все Ваши стихи и поэмы, и мне очень бы хотелось иметь их, но... почти ежедневные посещения Книготорга не помогли — стихов нет. Видимо, книга даже не дошла до града Калача, а жаль, потому что приобрести ее хотели бы многие. Не могли бы Вы, отругав меня за нескромность, выслать мне один экземпляр? Книгу «Там, где мы бывали» я надеюсь купить, а «Три тетради» теперь уже не достать.

Еще раз прошу прощения, что надоедаю Вам со своей просьбой.

Всего Вам доброго. В. Белокрылов.

P.S. Ответа из «Юности» еще нет. Как и положено, я слабо надеюсь и сильно жду.

(В верхнем углу письма надпись: «Книгу»)

(Затем: «Послана книга «Три тетради» 23.10.1964 г.»)

29.09.1964 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Из «Юности» пришел, наконец, ответ, вернее, рецензия критика Ст. Рассадина. Не могу не сказать о ней.

Я всегда имел свое собственное мнение, сейчас же я в растерянности и даже не знаю, как быть.

Я согласен с критиком в том, что недостаточно показал жизнь деревни и мало рассказал о том, как матери и дяде удалось «растить и учить Федора, как он выбивается в люди». Но показать «переломные для деревни и всей нашей страны годы» — это значит, писать не одну такую повесть. К тому же я в этой своей повести хотел рассказать о нескольких парнях и девчатах, которые идут в жизнь, и не столько, как они идут, сколько — с чем они идут.

С утверждением т. Рассадина, что любовь в повести «заменена только томлением плоти», я никак не согласен. Каждый из нас, как говорил Иосиф Уткин, есть «нетерпеливый зверь», и совсем умолчать об этом нельзя. И как раз, по-моему, в том-то и сила человека, что он побеждает в себе «нетерпеливого зверя», и побеждает каждый по-своему.

Сцену разговора мальчишек, где они рассуждают, почему у Тоньки «груди большие», т. Рассадин назвал грубой. Конечно, это не поэтично, но ведь говорят мальчишки об этом и говорят чаще, чем нам хотелось бы. Кстати, в сцене этой нет ничего грубого и в смысле эстетики. Так зачем же бояться правды? И, очевидно, только поэтому стыдливые и томящие ощущения Федьки вызвали у автора рецензии неприятное чувство, если он утверждает, что это место в повести «описывается

неприятно». А я уверен, что все испытывавшие подобное в юности, прочитав эту сцену, только с улыбкой вспомнят свои давние-давние годы и не станут отыскивать в этом каких-то грязных намеков. Да их вовсе и нет!

Нельзя согласиться и с мнением критика, что чувство Федора и к Тоньке, и к Тае было «одинаково чувственно-примитивно, и который этим вполне удовлетворен». В повести как раз наоборот!

Непонятны и те строчки рецензии, где т. Рассадин всячески пытается облагородить Тоньку, оправдать ее, упрекая Федора в грубости, жестокости, тупой прямолинейности и т.д., и называет его цинично-хамоватым. Это уже зачем-то выдуманная ерунда. Видимо, все зависит от того, как расценивать тот или иной факт, с каких позиций подходить к фактам. Неужели критику хотелось бы, чтобы Федор, поняв желание цинично-наглой Тоньки, начал бы ласково и педагогично объясняться с ней? Федор же сказал ей грубые слова, как говорят их многие, когда нельзя не сказать этих грубых слов.

Когда я начинал повесть только писать, долго раздумывал о композиции. Потом отослал три первых главы Вам. И обрадовался, когда Вы посоветовали смело перебрасываться с одного на другое. Я понял, что правильно избрал именно такое (не гладкое) построение повести.

Тов. Рассадин же говорит, что «повесть на редкость нерасчетливо построена». И ни слова о том, в чем же именно эта «нерасчетливость».

Странно, но критик даже извращает факты. Он перевирает их в угоду своей рецензии, приписывает то, чего в повести совершенно нет. Я просил бы Вас прочитать те страницы рукописи, на которые в рецензии ссылается т. Рассадин.

Сейчас мне особенно нужен Ваш совет, поэтому я пишу так подробно, и прошу прощения за столь длинное письмо. Я согласен, что повесть, наверно, еще нуждается в доработке, но неужели же в такой степени, как говорится об этом в рецензии?

Ваше мнение для меня очень дорого, и я с нетерпением буду ждать Вашего письма. Рецензию С. Рассадина тоже высылаю Вам, чтобы не быть голословным.

Всего Вам доброго.

С уважением, В. Белокрылов.

P.S. Сегодня в КОГИЗЕ с радостью выхватил «Там, где мы бывали...» (книга К. Симонова. — Т.Б.). В.Б.

(В верхнем углу письма надпись: «Л.А. Отвечено»).

Москва, 23.10.1964 г.

Дорогой товарищ Белокрылов, я получил Вашу рукопись и посмотрел в ней поправленные и переписанные Вами главы. Мне кажется, что повесть явно стала лучше.

Ну, что поделаешь, значит, с «Юностью», будем считать, не вышло. Попробуем поговорить с издательством «Советская Россия». Одновременно с этим письмом я посылаю Вашу рукопись со своим письмом редактору отдела прозы издательства «Советская Россия» Алексею Андреевичу Чернову, прошу рассмотреть вопрос о возможности выпуска Вашей рукописи книгой в издательстве.

Буду держать связь с издательством. Надеюсь, что они, в случае положительного решения, напишут и Вам. Подождем еще немножко.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам книжку стихов.

С дружеским приветом, Ваш К. Симонов.

30.10.64 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Большущее Вам спасибо. За стихи, за Вашу веру в мое упорство и еще за то, что Вы взяли в свои руки всю суетливую тяжесть по устройству моей повести.

Вы можете понять хорошую гордость человека, который когда-то шестиклассником учил наизусть «Сына артиллериста», «Митинг в Канаде», который потом постоянно слышал о Вас как о поэте и человеке, который читал Ваши книги и который, наконец, имеет счастье получать Ваши письма и вспоминать свои встречи с Вами. Это искренне и от всего сердца.

Не могу не сказать о книге «Там, где мы бывали...» В наш киоск поступило девять экземпляров, через три дня ни одной книжки уже не осталось. По-моему, это здорово!

Больше всего мне понравился цикл «Из записок Лопатина», повесть «Дым отечества» (я читал ее и раньше) и рассказ «В скалах Норвегии». В нем какая-то обаятельная романтика от морских рассказов, в которых живут люди сильные, умеющие говорить мало, но веско.

Я знаю войну по книжкам и, наверное, поэтому всегда благодарен автору, если он умело заставляет меня задуматься над тем, что некоторые называют «мелочами войны» — о закрытых глазах убитого немца, о краях траншей, сожженных и засыпанных пеплом, обо всем, что окружает людей, когда они идут по недавнему полю боя или сидят в ожидании атаки, думая о последней щепотке табака. В Ваших рассказах и повестях, не в ущерб главному, рассыпано много таких вот подробностей, которые как раз и заставляют понять, как страшна война.

Ваше письмо, как и всегда, подняло во мне дух, и за это еще раз спасибо. Успехов Вам и здоровья.

С уважением, В. Белокрылов.

11.02.1965 г.

Дорогой Константин Михайлович!

С 17 января по 5 февраля я был в Москве на зимней сессии. Очень хотелось повидаться с Вами, но дозвониться не смог и сейчас беспокоюсь — не изменился ли номер Вашего телефона?

В Москве теперь буду в конце мая и весь июнь. С учебой все хорошо, настроение бодрое. Понемножку, правда, болею, но духом не падаю. Начал писать новую вещь.

От всего сердца рад, что «Солдатами не рождаются» и «Живые и мертвые» представлены на соискание Ленинской премии. На мой взгляд, многим — даже хорошим — книгам последних лет не хватает философского звучания, той глубины человеческого познания, что делают вещь нужной не только для данной эпохи или формации, но нужной вообще для людей Земли. «Солдатами не рождаются», по-моему, как раз такая книга. Она нужна всем и всегда. И никак не согласен я с теми критиками, которые судят об этом романе, отрывая его от двух предыдущих книг, и которые пытаются доказать, что в нем мало разработана тема народа.

Народ — не абстрактная толпа, а многое множество конкретных лиц. Толстовский Тушин — это тоже народ. И в лице шолоховского Соколова тоже показан наш народ. А разве не показан народ в лице старика, соседа Синцовых? А сам Синцов, его жена, Серпилин, Малинин, маленькая докторша, гордый Козырев — разве это не народ? Не с неба же эти люди свалились!

Простите, что я открываю Америку, но иногда, прочитав не очень убедительную для себя статью, становишься злым. И спрашиваешь самого себя и кого-то: за что же тогда удостоена награды «Тронка» Гончара? «Суд памяти», по-моему, куда сильнее! И снова — «На Иртыше», «Хлеб — имя существительное», «Люди остаются людьми», повести Г. Федосеева... Зачем критики вылавливают соринки в реке и не видят их в ручейках?

Кончу свое длинное письмо просьбой: если номер Вашего телефона стал иным, сообщите мне. Все-таки хочется мне увидеть Вас летом. Если телефон тот же, ничего писать не надо.

Всего Вам доброго. Всегда Ваш — В. Белокрылов.

г. Калач, 11.02.65 г.

Москва, 05.04.1965 г.

Дорогой товарищ Белокрылов!

Получил Ваше письмо, вернувшись из санатория.

Телефон мой действительно изменился. Он теперь: АД-1-27-21.

В конце мая, очевидно, в Москве не буду. Вероятно, буду в июне. Звоните — увидимся.

Был у меня Алексей Чернов из издательства «Советская Россия». По-моему, у них нет Вашего адреса. А может быть, уже нашли сейчас. Во всяком случае, Вам, приехав в Москву, сразу надо пойти в издательство. Дело, мне кажется, отнюдь не безнадежно. Об этом, во всяком случае, свидетельствует одна из редакционных рецензий, копию которой мне дал Чернов. Посылаю ее Вам, для сведения.

Желаю успеха. Жму руку. Ваш К. Симонов.

15.04.65 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Совсем недавно я вышел из больницы (сделали резекцию желудка), и Ваше письмо с рецензией на повесть подействовала на меня лучше всех лекарств.

Не знаю, правильно ли, но я написал А.А. Чернову коротенькое письмо, в котором прошу, если о рукописи сложилось какое-то мнение, написать мне. О рецензии я умолчал.

Чувствую себя отлично. Понемногу пишу, готовлюсь к сессии.

Всего Вам доброго. С уважением — В. Белокрылов

г. Калач.

27.07.1965 г.

Уважаемый Константин Михайлович!

К сожалению, мне опять не довелось повидаться с Вами.

О моих делах. Они, кажется, идут хорошо. Дважды был в издательстве, у А.А. Чернова. В первое посещение ничего конкретного Чернов мне сказать не мог, так как план издательства только утверждался. Перед отъездом домой я зашел еще. Повесть (так мне сказал Чернов) твердо стоит в плане, в сентябре займется ею вплотную. Вызовут к этому времени и меня.

Сейчас я отослал в издательство два экземпляра повести, еще поработав над ней. Не мог не написать Вам это письмо, ибо она (моя повесть) наделала Вам хлопот больше, чем мне, ее автору. Спасибо Вам и за советы, и за большое участие, которое Вам пришлось принять в моих делах.

Увидеть Вас все же очень хочется, и я думаю, Вы не будете ругать меня, если я позвоню Вам, когда буду в Москве. В. Белокрылов.

27.10.1965 г.

Дорогой Константин Михайлович!

С 20 по 23 октября я был в Москве в связи с подготовкой рукописи в производство. Не знаю, как отнесутся к повести зав. издательством Карунный и гл. редактор Туркин, но пока дела идут как будто бы хорошо — подписан договор, повесть включена в темплан издательства и даже оформлена обложка.

Мне сказали, что для книжки, если она, конечно, пойдет, нужна аннотация.

Неудобно писать об этом, но Вы меня поймете. Не разрешите ли Вы использовать для аннотации один-два абзаца из той рецензии, которую Вы мне дали, когда я был у Вас летом 1964 года? Ваше согласие было бы для меня очень дорого, но и в том случае, если по каким-то причинам Вашего разрешения не будет, я несколько не буду обижен, так как и без того Вы сделали для меня безмерно много.

Всего Вам доброго. Ваш В. Белокрылов.

12.11.1965 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Я понимаю, в какое неудобное положение поставил Вас, написав Вам письмо об аннотации. С одной стороны, Вам трудно вообще сказать что-либо о человеке, написавшем свою первую книжку, а с другой — сложность в том, что тема моей повести далека от тех тем, которые волнуют Вас. И еще. Мне кажется, что книжка с предисловием как-то настораживает. Если она написана толково, достаточно написанного, а книжонку слабенькую никакие аннотации не спасут.

Пользуясь случаем, от всей души поздравляю Вас с приближающимся днем Вашего пятидесятилетия. Почему-то уверен, что сил у Вас — и физических, и духовных — хватит еще на одно столетие. Это, Константин Михайлович, ей-богу, не комплимент, ибо говорить эти самые комплименты я не умею.

Всего Вам доброго и в жизни, и в творчестве.

Ваш В. Белокрылов.

P.S. Народный университет культуры у нас в Калаче откроется 23 ноября рассказом о Ваших книгах.

Москва, 14 ноября, 1965 г.

Дорогой товарищ Белокрылов, очень жалко, что опять не повидал Вас во время Вашего приезда в Москву.

Со мной говорил Чернов. Я понял из его слов, что речь идет о предисловии к Вашей книжке. Мне кажется, что предисловиями у нас злоупотребляют сейчас, да и, собственно говоря, книжка в предисловии не нуждается, сама за себя говорит. Поэтому я сказал, что не вижу нужды писать предисловие к Вашей книжке.

Но если речь идет об использовании для аннотации хоть одного, хоть нескольких абзацев моей рецензии, хоть всей рецензии, — ради бога, я буду только рад оказаться в этом смысле полезным. Так что, пожалуйста, пользуйтесь этой рецензией по Вашему усмотрению. А я буду ждать выхода Вашей книги и буду очень рад за Вас, когда она появится на божий свет.

Жму Вашу руку. К. Симонов.

03.01.1966 г.

Дорогой Константин Михайлович!

С радостью сообщаю, что рукопись сдана в производство! Очень сожалею, что не пришлось поблагодарить Вас лично. Когда я был в Москве, Вы были в Турции. От всего сердца спасибо Вам за все то, что Вы сделали для меня.

В том, что книжка увидит свет, в первую очередь, Ваша победа, а я теперь уже немного знаю, что победы эти даются нелегко. По самым различным высказываниям, проскальзывающим в журналах и иногда в газетах, я для себя сделал вывод, что литература наша похожа на большой улей, куда собрали сотни отроившихся от своих семей пчел. Во всем этом мне сейчас трудно разобраться самому и поэтому мне остается только одно — писать о том, о чем мне хочется писать.

Видел в издательстве Вашу книжку «Каждый день длинный». Я долго вертел ее в руках, и А. Чернов обещал выслать мне один экземпляр, ибо до Калача ни

одна книжка не дойдет, как было с «записками Лопатина» и трехтомником, который я с трудом достал.

Еще раз спасибо за то участие, которое Вы приняли в моих делах.

С запозданием, но поздравляю Вас и Вашу семью с Новым годом.

Всего Вам доброго, навсегда Ваш В. Белокрылов.

14.04.1966 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Я уже не смогу не делиться с Вами и своими делами, и своими планами. Простите, что на несколько минут оторву Вас от дел.

Слышал, что Вы болели. Хочется верить, что теперь у Вас все хорошо.

Я с нетерпением жду верстку, которой отчего-то нет и нет.

Кончил новую повесть «Весна начинается с гроз». В ней 10 листов. Предложил ее Центрально-Черноземному издательству. Она будто бы включена в план 1967 года.

Таковы мои дела. Есть, конечно, и планы, но о них говорить пока рано.

В июне буду в Москве, на летней сессии.

Всем сердцем Ваш — В. Белокрылов.

28.10.1966 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Рад сообщить Вам, что книжка, наконец, вышла. С радостью высылаю Вам экземпляр.

Коротко о моих делах. Работаю по-прежнему в редакции. В Воронежское издательство сдал рукопись второй повести — «Весна начинается с гроз». На совещании молодых писателей, которое состоится в Воронеже с 10 по 14 ноября, эта повесть будет обсуждаться на семинаре; может быть, удастся опубликовать ее в журнале «Подъём», но это пока не точно.

Понемногу пишу новую вещь.

Очень благодарен Вам за ту помощь и поддержку, которую Вы мне оказали.

Всего Вам доброго. Ваш В. Белокрылов.

(В РГАЛИ хранится дарственная надпись на шмуцтитуле книги «Под солнцем покоя нет», принадлежащая издателям книги — редакторам отдела прозы изд. «Советская Россия» — А. Чернову и Э. Розену: «Дорогому Константину Михайловичу, постоянно у колыбели этой книжки, с благодарностью от ее издателей. 2.11.1966 г. А. Чернов. Э. Розен»).

08.03.1967 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Долго обдумывал я это письмо и все же сомневаюсь, что выйдет оно толковым. О многом хочется сказать, о многом спросить (особенно спросить!), и все это настолько личное, что охватывает боязнь быть навязчивым и многословным.

Только что я выходил подышать во двор. Мартовская ночь настолько темна (к теплу, по приметам), что по собственному коммунальному двору я пробирался ощупью и маленькими шажками. И под ногами, и перед глазами все так зыбко, так неустойчиво, что впору зажмурить глаза и шагать на «авось».

Примерно так я чувствую себя сейчас во всем том огромном мыслящем, спорящем, отвергающем и утверждающем литературном мире, который ощущается как великое множество разных людей, которые сыпят с газетных и журнальных страниц крошево колких и нудящих слов на головы друг друга, и радующихся умению это делать. Порой читаешь какую-нибудь полемику (№ 9 «Лит[ературная] газ[ета]» — Мих. Шкерин и Л. Жак, к примеру) и вспоминаешь Б. Шоу, сказав-

шего: «Кто умеет, тот сам делает, кто не умеет делать сам, тот учит других, кто не умеет ни того, ни другого, тот учит, как надо учить».

Для меня лично беда в другом — приходится лишь догадываться о многом, что происходит где-то далеко от Калача и Воронежа. В Калаче, может быть, и найдется с десяток людей, по-настоящему читающих книги, но даже для них малейший отзвук какой-то непонятной борьбы московских литературных богов — повод отвлечься от повседневных разговоров.

В Воронеже я боюсь показываться. Там самого крепкого трезвенника научат незаметно носить в кармане «четвертинки» и «закусь» и выпивать в промежутках между приходом посетителей. Конечно, все эти люди пишут и ежегодно дарят друзьям и знакомым свои книжки с автографами, и почти каждый, в сущности, хороший человек, но какая-то ядовитая жадность набраться до чертиков в глазах стала необходимостью жизни. Меня сие пугает.

Вы для меня больше, чем учитель, и больше, чем человек, который буквально за уши вытащил на гору, где начинается путь в литературу. Знали бы Вы, сколько для меня значите! Когда кто-то что-то о Вас говорит с таким разухабистым обывательским апломбом, я боюсь, что не удержусь и, как у нас говорят, разделаю его «под орех». А это я умею делать. Поверьте, за Вас, за Ваши стихи, за Ваши книги я буду драться всю жизнь. И, может быть, по-мальчишески, но твердо это сознавая, хочу заверить, что то доверие, которое появилось у Вас к моим писаниям, я оправдаю. Знаю, что «Под солнцем покоя нет» и «Весна начинается с гроз», которая выйдет летом — это книжки, которых могло бы и не быть. Они, может быть, ошибки молодости, которые, наверное, есть у большинства. Но во мне есть хорошая надежда, есть твердая уверенность написать что-то значительное, стоящее, и я это стоящее, честное слово, напишу.

Мне уже долгое время кажется, что Вам что-то не понравилось во мне. Это для меня хуже, чем самая затяжная и неизлечимая болезнь. Может быть, виной тому мое письмо, в котором я просил об аннотации к моей книжке, может быть, что-то еще — не знаю. В то время как моя повесть готовилась к печати, когда А.А. Чернов завел со мной разговор об аннотации, я был уверен, что так надо. Но уже тогда где-то в глубине души неприятно подавлял осадок недовольства собой, и все разговоры по поводу предисловия казались мне нехорошей закулисной сделкой. Видимо, сказано и то, что я не умею и не умел «устраивать» своих личных дел, и положился на человека более опытного. У меня появилось много вопросов, но встретиться с Вами я не мог, писать же письмо просто-напросто боялся. Побаиваюсь и сейчас, ибо не хочется красть у Вас время, не хочется отвлекать Вас от более нужных дел. Но к кому же мне обращаться? Мне очень хочется знать Ваших друзей и Ваших врагов (я не думал, что они у Вас есть, а они, оказывается, есть); хочется знать, что Вы все еще в меня верите. Мне очень нужно знать, что я для Вас хоть чуть-чуть что-то значу, и мне легче будет разобраться во всем том сложном, что происходит, как мне кажется, сейчас в литературе. Я хочу идти вместе с Вами и постараюсь быть хорошим солдатом.

Слышал, что у Вас неприятности с рукописью «Сто суток войны», что «Новый мир» поэтому еще не попал к подписчикам. Если это все-таки не литературная сплетня, я очень и очень сочувствую Вам. И завидую в то же время, ибо люди обо всем этом знают и уверены, что Вы правы. От многих и многих, знающих Ваши книги, я слышал такие слова: «Симонов войну знает! Он не мог написать неправду!» Это, Константин Михайлович, говорит народ, и это, по-моему, величайшее счастье — поддержка народная.

Не ради любопытства хотелось бы знать, в чем же причина подобного отношения к Вашей книге. Скоро ли выйдет на экраны фильм по Вашему роману? Когда я был в Москве, хотели с И. Николюкиным навестить Вас, но Вы были на съемках в Рязани.

На днях видел Вас в киножурнале — Вы на лыжах в горах Кавказа.
Еще раз простите за это длинное сумбурное письмо.

Любящий Вас В. Белокрылов.

P.S. Недавно прочитал «Горький среди нас» К.А. Федина. Если можно, скажите ему при случае большое спасибо. Рад, что он принадлежит к числу Ваших друзей.

Белокрылову

Москва, 6.04.1967 г.

Дорогой Василий Алексеевич, не сразу собрался ответить на Ваше письмо, потому что как только получил его, уехал и не успел. А ответить хотелось сразу.

Рад был Вашему письму и хочу, чтобы Вы знали, что встреча наша с Вами сама по себе у меня оставила хорошую память и чувство уважения к Вам. Я Вам желаю дальнейших успехов от всей души и верю в то, что Вы человек хороший и сильный, и все, что Вам дано от бога как литератору реализуете в максимальной мере своим трудом и упорством, как оно и положено нашему брату.

Что касается аннотации или предисловия к Вашей книжке, никакого абсолютного осадка у меня не осталось. Просто Алексей Андреевич Чернов от доброй души хотел сделать как можно лучше, а я ему сказал, что, по-моему, аннотации к Вашей книге мне писать нет необходимости. Ничего в этом неловкого ни с чьей стороны не было, и бросьте Вы об этом даже и думать.

Вы спрашиваете меня о моих неприятностях. Особенных неприятностей нету. Есть сложности с публикацией моей книги «Сто суток войны». Цензура ее задержала; задержала, как я считаю, неправильно, и я обратился с жалобой в Центральный комитет. Теперь жду решения этого вопроса.

Что касается меня лично, то я убежден, что написал именно ту книгу, которую должен был написать. Книгу во славу нашей армии, о ее великом подвиге в сорок первом году — подвиге, совершенном в нечеловеческих условиях, в которых бы пропал всякий другой народ и всякая другая армия. То, что мы, в конце концов, победили фашистов, знают все, но что поначалу мы попали в глубокую яму и долго выбирались из нее, из этой ямы, и что за происшедшее в сорок первом году из всех людей, несущих за это ответственность, главную и первую ответственность несет Сталин, некоторые товарищи вспоминать не желают. А по-моему, коли не показать, в какой глубокой яме мы были, не покажешь и меру народного подвига.

Вот в этом и состоит, кратко говоря, мой спор с цензурой. Но называть это неприятностями я бы не стал. Это — сложности. Ничего, как и во всех других случаях, и в этом правое дело, в конце концов, восторжествует. Я, во всяком случае, в этом глубоко уверен.

Настроение у меня хорошее, потому что не жду у моря погоды, а пишу пока что роман, которым хочу завершить все свое давно начатое повествование о войне.

Фильм по роману «Солдатами не рождаются» должен выйти где-то примерно осенью. Какой он будет, не знаю. В постановщика фильма Александра Борисовича Столпера верю, знаю, что он кладет все силы души на то, чтобы фильм был хороший, но каким выйдет фильм, никто из нас всегда не знает до самой последней минуты.

Желаю Вам всего-всего самого доброго и крепко жму Вашу руку.

Ваш К. Симонов.

5.07.1967 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Готов поделиться с Вами своей радостью — в Воронеже вышла моя вторая повесть («Весна начинается с гроз», 1967. — Т.Б.), которую сразу же высылаю Вам.

Этим летом на сессию в Москву поехать не пришлось — заболел. Только поправил свои желудочные дела, и — опять беда. Сейчас лежу с двухсторонним переломом ноги.

В августе в Москве думаю все-таки побывать. Как я уже писал, предложил издательству «Советская Россия» три свои повести. Там к этому отнеслись вроде бы положительно.

Планы мои таковы: написать еще две повести и браться за свою давнюю мечту. Хочу писать роман, который уже весь продуман и даже начат (речь идет о романе «Земля держит всех», однако он так и не был завершен. — Т.Б.) Сейчас кончаю одну маленькую повесть, которая уже стоит в плане на 1968 год в Центрально-Черноземном книжном издательстве. («Мороженые яблоки», Воронеж, 1968. — Т.Б.) К концу года должен закончить еще одну («Страна голубых снегов». — Т.Б.) и потом уже, если ничего не случится, вплотную возьмусь за роман.

В Воронеже мне упорно предлагают вступать в члены Союза писателей. Не посоветовавшись с Вами, не могу делать этого шага. Скажите мне, как с этим поступать?

Всего Вам доброго, всегда Ваш В. Белокрылов.

(Внизу письма приписка лит. секретаря К.М. Симонова: «г. Калач Воронежской обл., ул. Луначарского, 8, кв.3 В.А. Белокрылов». В РГАЛИ хранится дарственная надпись В. Белокрылова на титуле книги «Весна начинается с гроз»: «Константину Михайловичу Симонову, поверившему в мои силы. В. Белокрылов. 2.07.1967 г. г. Калач»).

Белокрылову

Москва, 21.07.1967 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Спасибо за книжку. Рад за Вас. Как только чуть освобожусь — прочитаю.

Ну, что ж, люди, которые предлагают Вам вступить в члены Союза писателей, по-моему, правы. Именно такие люди, как Вы, и должны пополнять ряды нашего Союза.

По нашему неписанному правилу, я как секретарь Союза не имею права давать Вам рекомендацию в Союз. Хочу Вам сказать, что в данном случае сожалею об этом, ибо не будь я секретарем Союза — рекомендацию Вам охотно дал бы, считая, что делаю этим правильное дело.

Желаю Вам счастья.

Ваш К. Симонов.

23.08.1967 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Письму Вашему, как всегда, был рад. Теперь при вступлении в Союз меня не будет мучить совесть, что я делаю это без ведома человека, которому обязан всем, буду знать, что Вы одобряете этот мой шаг, а это для меня очень и очень дорого.

Месяц отдыхал у себя в селе на Дону и с неохотой уезжал от тишины, трав и запахов. И почему-то не один раз думал, что Вам на моей родине и отдыхалось бы отлично, и писалось бы тоже здорово. Не было бы звонков, совещаний, встреч, поспьб и всего того, чем Вы с утра до вечера окружены в Москве.

В селе я написал два рассказа. Один из них — «Митрич и солнце» — вышел, кажется, неплохо. Я думал-думал и отослал его в «Лит. Россию». Однажды я посылал туда свой рассказ. Мне ответили, что он понравился, но напечатать рассказ нельзя, ибо он слишком мал. Не знаю, что ответят на этот раз, но хочется, конечно, чтоб напечатали.

В сентябре думаю вырваться в Москву. Хотелось бы повидать Вас, но Вы, судя

по адресу, сменили квартиру, а приехать к Вам, предварительно не позвонив, как-то неудобно. Если можно, сообщите мне теперешний номер Вашего телефона.

Крепкого здоровья Вам и всех благ!

Всегда Ваш В. Белокрылов.

(На письме — записка от Симонова:

«Дорогой В... Б...

Мой номер телефона АД/87/15.

Буду рад встрече. Позвоните. Ваш Сим-в»

И ниже:

«Номер телефона сообщила письмом 28.08.67 г. Т. Дубинская»).

Москва, 28.08.1967 г.

Уважаемый Василий Алексеевич!

Сегодня пришло Ваше письмо на имя Константина Михайловича. Поскольку Вы предполагаете в сентябре быть в Москве и хотите повидаться с К.М., хочу предупредить Вас, что он сейчас в отъезде и вернется, видимо, не раньше 20-го сентября.

Новый телефон Константина Михайловича:

АД-87-15

Желаю Вам всего доброго.

Уважающая Вас Тамара Дубинская — литературный секретарь К.М. Симонова.

г. Калач, 02.10.1967 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Пишу Вам как секретарю Союза писателей и как человеку, в какой-то степени знающему мои книги.

С 1958 года и до сего дня я работаю в редакции районной газеты. За это время мной написано без отрыва от производства, если можно так выразиться, две книги. Одна из них — «Под солнцем покоя нет» — вышла в свет в 1966 году в Москве, вторая — повесть «Весна начинается с гроз» — выпущена летом этого года в Воронеже. Сейчас я пишу новую книгу, но состояние здоровья (язвенная болезнь желудка. — Т.Б.) и ежедневная работа в редакции сильно сдерживают работу над книгой.

Был бы очень благодарен Вам лично и тем товарищам из Союза писателей, которые помогли бы мне на два-три месяца уйти в творческий отпуск.

Всего Вам доброго. С уважением, В. Белокрылов.

(В РГАЛИ такого письма нет. Было ли оно отправлено адресату, неизвестно).

г. Калач, 18.11.1967 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Недавно вернулся из Воронежа, куда ездил по поводу вступления в Союз. Писатели, к которым я обратился с просьбой дать мне рекомендации, книги мои читали и рекомендации дают мне охотно. Это Михаил Яковлевич Булавин, поэт Вл. Гордейчев и редактор журнала «Подъём» Ф. Волохов.

Дела мои идут будто бы хорошо: повесть «Мороженые яблоки» (раньше она называлась «Страна голубых снегов») выйдет в 68-м году, в первом номере «Молодой гвардии» будет напечатан мой рассказ, а второй — пойдет в журнале «Подъём».

В связи с «Подъёмом» мне и хочется обратиться к Вам с просьбой. Не могли ли Вы дать что-нибудь для журнала — стихи, переводы стихов, рассказ, отрывок из дневников или из нового романа? Беру на себя смелость просить Вас об этом только потому, что меня волнует судьба журнала. Он никак не вырвется из 12-тысяч-

ного тиража, а публикация любой вещи, написанной Вами, сразу поднимет журнал в глазах читателей.

Не знаю, может быть, это делается и не так, но мое отношение к Вам настолько чистое и сердечное, что может ввести меня в наивное заблуждение.

Не подумайте, что я давал какие-то авансы редактору журнала. Волохов относится ко мне по-человечески тепло, он немало для меня сделал в мой последний приезд в Воронеж, и когда стал говорить о делах журнала, у меня появилась мысль обратиться к Вам с этой просьбой. Может быть, было бы лучше, если бы Вам написал сам редактор? Или вообще, эта затея ни к чему?

Из Калача думаю куда-нибудь переехать. Жизнь моя тут адски тяжела из-за квартиры, которую и квартирой-то трудно назвать. И ничего не предвидится, ибо распределители квартир — райкомовцы больше уважают людей должностных, возглавляющих мясо-рубашечные и прочие, сугубо материальные, конторы и организации.

Были бы у меня деньги, уехал бы я к себе в село, построил на круче над Доном дом комнат на шесть, сидел бы писал и на лето ждал бы к себе в гости хороших людей. И хоть нет у меня в селе шестикомнатного особняка, все же приглашаю Вас погостить летом в моей деревне. Ей-богу, хорошо отдохнете!

Всего Вам доброго. Всегда Ваш В. Белокрылов.

Москва, 9 декабря 1967.

Дорогой Василий Алексеевич, получил Ваше письмо.

Рад бы оказаться полезен «Подъёму», но сейчас, по правде говоря, просто не знаю чем. Вот когда напечатаю свои военные дневники сорок первого года, будет возможность печатать и кое-что другое, за другие периоды войны, тогда мог бы послать и в «Подъём», если бы им подошло. Но пока дневники сорок первого года лежат, а начинать все надо с начала, а не с конца.

Давайте вернемся к этому разговору через несколько месяцев, так через полгода. Желаю Вам самого доброго.

Ваш К. Симонов.

г. Калач, 23.03.1968 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Видимо, Вы помните наш разговор о Высших литературных курсах, куда мне очень бы хотелось попасть в этом году.

В феврале меня приняли в Союз писателей (в первичной писательской организации — в Воронеже. — Т.Б.). Теперь дело за Москвой.

Предварительно я говорил с некоторыми членами бюро Воронежского отделения ССП, написал заявление, которое, видимо, в скором времени будет рассмотрено. Думаю, что к моей просьбе дать мне направление (на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. — Т.Б.) в Воронеже отнесутся благосклонно.

Совсем недавно сдал в издательство рукопись детской повести, обсуждение которой после рецензии Ершова (комитет по печати) состоялось 14 февраля. К рукописи отнеслись хорошо и даже более того.

Жду сейчас решения приемной комиссии и пишу роман («Жизнь как жизнь». — Т.Б.).

Только сегодня в «Лит[ертурной] газете» увидел переведенный Вами отрывок из пьесы Арт. Миллера «Цена». Гранки Вы держали в руках, когда я был у Вас, и теперь, при виде страницы с отрывком, я вновь пережил те минуты, когда сидел напротив Вас за столом.

Нет ли изменений с военными дневниками?

Всего Вам доброго, всегда Ваш В. Белокрылов.

г. Калач, 26 апреля 1968 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Был в Воронеже. Узнал, что в Союз не принят: то ли не стали рассматривать, то ли... Короче, подробностей не знаю. Итак, моя надежда поступить на Высшие литературные курсы провалилась. И, видимо, надолго. Утешая себя тем, что Лев Толстой не был членом Союза писателей, но имел Ясную Поляну, я решил уехать из Калача в село, где, конечно же, буду работать. Этот переезд свершится, наверное, в июне.

Дела мои идут как будто бы неплохо: в первом номере «Подъема» напечатан рассказ, второй — опубликован в апрельской книжке «Молодой гвардии», сдана в производство и повесть для детей. Все эти успехи были predetermined заранее, сейчас же я надеюсь на единственный пока успех — готовность работать.

Пользуясь случаем, поздравляю Вас с праздником.

Всего Вам доброго! Ваш В. Белокрылов.

8.10.1968 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Совсем недавно в Воронеже вышла моя книжка для детей. Высылаю ее Вам с радостью.

По-моему, я уже писал Вам, что с мая живу в Дерезовке — селе, где родился и жил до 18 лет.

О многом хотелось бы Вам сказать, но не стану отрывать Вас от дел, которых у Вас предостаточно.

Всего Вам доброго.

Искренне Ваш В. Белокрылов.

(Внизу страницы приписка лит. секретаря К. Симонова:

«Послана книга «25 стихотворений и одна поэма». 14.11.1968 г.)

11.12.1968 г.

Уважаемый Константин Михайлович!

Книжку получил, в какой уж раз перечел многие «все те же старые стихи» и... Спасибо! Ей-богу, не знаю даже, как благодарить Вас за доброту, зная, как некогда Вам возиться с нами, грешными.

Живу, пишу, есть надежда попасть в Москву на совещание молодых, если кто-нибудь что-нибудь не выскажет против.

Всего-всего доброго!

Всегда Ваш В. Белокрылов.

с. Дерезовка, 01.03.1970 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Потребность писать Вам велика, но здравые соображения удерживают от этого — стоит ли отвлекать Вас, до предела загруженного всяческими делами! Все время думал: дождусь очередной книжки, пошлю, и тогда... И вот, видите, не утерпел. А так хочется чем-то порадовать Вас, сказать какие-то хорошие слова, пожаловаться иногда, чтобы услышать что-то ободряющее.

За два года жизни в селе практически я ничего почти не сделал, если не считать восьми рассказов (они должны выйти в этом году небольшой книжечкой в «Сов. России») да двух повестей, каждая из которых на сей день написана до половины. Но я не сетую, ибо многое приобрел, и это многое пригодится мне в самом ближайшем будущем. Повседневню сталкиваясь с различными людьми конкретной жизни, я столько по-иному увидал! Что-то во мне перегорело, стал я чуточку холодней рассудком. Что же касается писательства, то я понял — это тяжелая работа на годы и годы.

Писать, питаясь жизнью, невероятно трудно для меня потому, что материал этой жизни зыбок, почти ничего завершенного в этой жизни нет — все в развитии, все запутано, переплетено, перемешано, и никак не удается оглядеть эту жизнь в совокупности, масштабно, целиком. Люди всегда были для меня главнее всего главного, и вот теперь, день за днем, глядя на них пристально, потрогав их живые души, я, честное слово, растерян. То, что движет большинством, никак не идеал, неясный смысл которого маячил передо мной столько лет — от школьной скамьи до редакционного стола. Каждый из живущих в селе в чем-то недоделан, в чем-то гадок даже, и совсем уже теряешься, видя, что эти люди делают все-таки общее дело. Пишется медленно и трудно именно потому, что я не могу уже не сомешать в своих писаниях эту движущую человека силу его нутра с тем, что видится всеми после коллективных усилий. Горький предвидел и радовался небывалому росту индивидуума, я же наблюдаю, что люди, крупнее как коллективная совокупность, мельчают как индивидуумы. Совмещение, о котором я говорил, есть уже в тех рассказах, что вошли в сборник, но знали бы Вы, сколько мучений пришлось мне испытать, работая с редактором. Да и нет еще уверенности, что рассказы останутся в том виде, в каком я оставил их. И ведь я понимаю редактора! Если смотреть на жизнь села оттуда, если даже приехать в село на месяц-два, то и не заметишь никакого затхлого примитивизма, скрытой жестокости, стародавних понятий, которые не только живут в сознании, но и двигают поступками людей. Интересный процесс: человек родился в жуткой дореволюционной бедности, был восьмым ребенком по счету и (не буду говорить подробно о его жизненном пути) стал коммунистом, директором средней школы. Весь и во всем советский, но знаете, о чем его тайные мечты? Приобрел бы он хуторок, была бы своя земляца... Вот уж возликовал бы Иван Алексеевич Бунин, узнав, что сейчас есть люди, сущность и жизнь которых была доподлинно известна ему, жизнь, по которой он тосковал и которая двигала его как творца. И я в чем-то понимаю этого директора. И он не один. Сколько я знаю людей, которых упорно тянет туда, назад, к самой их сущности. Как об этом писать? А писать надо!

Я отвлекся, но что ж сделаешь?

В душе моей все время копошится маленькая какая-то обида, что Вы есть (!), а я, примеченный и обласканный Вами, никак не заявлю, что я тоже есть, и эта маленькая обида (может быть, злость) не на Вас вовсе, а на себя — человека, которому Вы поверили в главном, а он в этом главном не оправдывает Вашей веры. Вот ведь какая чепуха! Не пишу Вам, зная, что правильно делаю — и без моего хватает у Вас забот — и не писать долго не могу, ибо (думаю так) — вдруг Вы в какой-то миг вспомните случайно о некоем Белокрылове и подумаете: не пишет, стервец!

В январе был я в Москве, хотел позвонить, но не посмел. Две ночи ночевал у Николюкина. Он Вам пробовал звонить и, кажется, дозвонился даже, но... В чем-то мы с ним расходимся, ему все кажется, что я как-то на него свысока смотрю, и есть у меня опасения, что он обо всех так думает, и все это у него как-то прямолинейно, до ненужного болезненно. Эта его зряшная боязнь настораживает, ибо может выливаться в какие-нибудь смешные формы мести кому-то, а это же ни к чему, ей-богу. Это может его погубить, а как его спасти, если в таких случаях поучать опасно? Но бог с ним, буду рад, если он сделает что-то поистине великое.

Не сердитесь за это безалаберное, с целую версту, письмо и не отвечайте на него — мне легче оттого уже, что я его Вам написал, и Вы его прочтете. Хотелось мне сказать, что я еще жив и изо всех сил стараюсь оправдать Вашу веру в меня как в литератора.

Здоровья Вам и всяческих благ! Преданный Вам В. Белокрылов.

10.04.1970 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Вернувшись после отъезда на довольно долгий срок, получил Ваше письмо, и в самом деле, не знаю, что и ответить Вам. Бывает так в жизни — письмо требует ответа, потому что касается важных вещей в жизни человека, а что отвечать — не знаешь, потому что не знаешь сам, как быть с этими важными в жизни человека вещами, как поступать, как сделать так, чтобы людям стало легче. Ведь, в общем-то, за вычетом наших личных житейских писательских огорчений, если ты человек, который собирается сделать в литературе что-то важное для людей, то главная причина твоих огорчений состоит в том, что ты не знаешь — как все-таки сделать так, чтобы людям было лучше жить, чтобы они сами были лучше.

В сущности, к этому сводится и Ваше письмо, за которым стоят Ваши огорчения, и мои собственные мысли, которые не позволяют мне внятно ответить на Ваше письмо, потому что я сам не очень-то знаю, что делать, чтобы людям было лучше.

Вот собственно это и есть то главное, что мне хотелось Вам ответить.

Сижу над романом, никак его не закончу. Но, видимо, все-таки закончу, а дальше пока не знаю, как оно будет.

Я всегда рад получать Ваши письма и прошу Вас помнить это.

Крепко жму Вашу руку. Ваш Константин Симонов.

5.03. 1971 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Вышла, наконец, моя книжечка, и я с радостью пишу Вам.

Сделана повесть, которую берут в Воронеже. Хотелось мне эту вещь опубликовать в каком-нибудь журнале в Москве, но для «Нашего современника» она велика (13 листов), а из «Молодой гвардии» на мое письмо совсем не отозвались, хотя год назад несколько раз запрашивали, как продвигается дело. С другими журналами связи нет, а без этого, как я убедился, не ступнешь и шагу. Два романа мои лежат начатыми, не знаю, когда до них дойдут руки, но все это в порядке вещей. Как только малость покрепну денежно, возьмусь за романы вплотную, не отвлекаясь на другое.

Плохо, что я до сих пор как бы в подполье. Есть в Москве некая Светлана Кузнецова, которая, выступая два года назад перед членами комиссии по приему в Союз, ругала меня за увлечение диалектизмами. На этот счет у меня свои твердые мысли, но они вряд ли кого интересуют, а вот что делать, не знаю. Быть не членом Союза уже тягостно как-то самому и неприятно знать, что люди, в окружении которых я нахожусь, смотрят на меня как на самозванца, не имеющего права писать. Этим летом, например, директор райпромкомбината, объезжая своих данников в нашем селе, счел своим долгом доказать свою бдительность. Ввалился ко мне пьяным и учинил допрос: почему ношу бороду; не верю ли я случайно в бога, и, как на грех, увидев на полке Евангелие, решил, что перед ним совсем уж неблагонадежный, опасный, как он выразился, для властей человек, и потребовал предъявить документы. Смешно, конечно, а частенько приходится опускаться до уровня таких вот людей, чтобы быть понятым ими.

Вступление в Союз — проблема для меня номер один. Попробую отыскать адрес Кузнецовой, попрошу ее прочитать две мои новые книжки (вступал с двумя) и откровенно сказать, стоит ли мне, как говорится, рыпаться. А ведь знаю, что многие приняты с одной книжкой, и книжки эти не ахти, одначе... Редактор областной газеты [Евтушенко] вступил в Союз так, что члены Воронежского отделения Союза писателей даже знать ничего не знали. Поехал [Евтушенко] в Москву и вернулся членом. Что это наполовину не сплетня — верю, ибо знаю и [Евтушенко], и то, что он пишет. Ну да ладно, где наша не пропадала!

Правильным ли, на Ваш взгляд, будет мой шаг? Ведь опять, решишь я всту-

пать, с разбором моих, так сказать, произведений будет выступать Кузнецова, и не хочется быть еще раз отвергнутым публично.

Как всегда, я о Вас часто думаю. Вы, кажется, опять вернулись к стихам. Прочитал я страницы «Последнего лета» и как-то грустно мне стало. И грусть была какой-то сложной, поначалу тревожной даже. Долго не отпускало меня это чувство, потом я понял, что к раздумьям о Серпилине, Синцове, Тане примешана некая озабоченность, вызванная мыслями о Вас: такое огромное поле распаханно, пройден такой путь, и к каким теперь рубежам? Извините, что вторгаюсь, может быть, в недозволенное мне.

Прочитали бы Вы, Константин Михайлович, мою книжицу. Есть отчего-то уверенность, что некоторые рассказы понравятся Вам, а главное — Вы могли бы сказать, не топчусь ли я на месте, что мне знать ой как нужно!

И... тягостная для Вас просьба. Вышла недавно Ваша книга — воспоминания, переписка. Нет ли у Вас случайно так называемой лишней, а? Так хочется мне ее иметь! Здоровья Вам и всего-всего доброго! Ваш В. Белокрылов.

(Возможно, лето 1972 г.)

Дорогой Константин Михайлович!

Как я ни приказывал себе не докучать Вам своими делами, слова не сдержал.

Посылаю Вам рассказ. Я предлагал его журналу «Наш современник». Мне ответили буквально следующее: «Рассказ написан рукой способного человека, но он не устраивает нас тематической разработкой».

Будь это частный случай, вряд ли бы я обращался к Вам, но в последнее время мои писания странным образом не соответствуют именно своей темой (те же, отвергнутые журналами, но изданные «Советской Россией» рассказы, обратили на себя внимание), и вообще, меня почти убедили в том, что писать о чем-то таком, что не может войти в брошюру о передовом опыте, не стоит. Видимо, нужно имя. А чтобы было имя, надо публиковаться. Но... 6 номеров воронежского «Подъёма» забиты, для «Мол[одой] гвардии», где меня чуть-чуть знают, творения мои не подходят тематикой (я не был ни на одной из великих строек и пишу о глубинной русской деревне), «Нашему современнику», как я понял, нужно что-то, подтверждающее, что наше время — время сплошных героев. Рассказ «Половодье», думается, был бы напечатан в том случае, если бы героиня вызвалась бы, допустим, глядеть за детьми тех, кто уходит на прополку свеклы. С другими же журналами я не связан и знаю: посланное туда будет возвращено с вежливой отпиской. Остается только книжки выпускать в Воронеже, но опять же такие, в которых все герои настолько хороши, что становится скучно. А ведь я пишу, ничего не выдумывая, пишу о жизни, к которой часто неприложимы любимейшие термины судящих нас — положительное, отрицательное... И я, честное слово, не знаю, что делать. Бросить писать уже не могу, а что пишу и собираюсь писать — никого не устраивает. Ловчить же и выработать пером всякие диетические кашки не умею.

Понимаю, что по одному рассказу трудно судить о моих писаниях вообще, но мне хотелось бы знать, как Вы расцениваете именно его — единственный почти из всех написанных мною рассказов, который мне дорог.

Очень прошу Вас, посмотрите рассказ как-нибудь на досуге. Хоть через полгода, но посмотрите.

Письмо получилось не очень коротким, но Вы уж меня извините.

Здоровья Вам и всего доброго! Всегда Ваш В. Белокрылов.

P.S. Карандашные пометки в рассказе (их было мало) я убрал. В.Б.

(Вверху первой страницы письма пометка: «Л А отвечено». Внизу страницы рукописные строчки с адресом В. Белокрылова. Предположительно, их написала литературный секретарь К.М. Симонова. 396785 с. Дерезовка Верхнемамонского района Воронежской обл. В. Белокрылов Василий Алексеевич).

В.А. Белокрылову

Москва, 6.12.1972 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Простите великодушно, что не мог прочитать раньше Вашего рассказа; так сложились мои собственные дела, что хотя и сознавал, что нельзя так делать, а все же отложил всю почту на несколько месяцев, пока не закончил картину о Вьетнаме, занявшую у меня и все время, и все силы.

Сейчас прочел Ваше «Половодье». Рассказ мне нравится — он хороший, человечный, справедливый; суровый, но не жестокий, написанный с любовью к людям и с пониманием людей. Был бы я редактором толстого литературного журнала — напечатал бы этот рассказ. Во всяком случае, как редактор проголосовал бы за него и, думаю, нашел бы поддержку у товарищей.

Мне не хочется писать рекомендательных писем в журналы, но мне кажется, что если бы Вы послали Ваш рассказ, скажем, в «Новый мир», то, не предвещая результатов, могли бы рассчитывать там на серьезное и благожелательное, в принципе, отношение к тому, что Вы написали.

Я, может быть, с пропусками, но, в общем-то, давно слежу за Вашей работой, и мне кажется, что, пожалуй, этот рассказ пока что самое сильное из Вами написанного.

Если у Вас возникнет желание, посылая рассказ в «Новый мир» или в другой журнал, приложить к нему мое письмо, Вы имеете на то полное право.

Желаю Вам успеха. Жму Вашу руку.

Уважающий Вас К. Симонов.

Рассказ посылаю Вам.

17.06.1973 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Отсылаю Вам свою наконец-то вышедшую книжку («Завязь», Воронеж, 1973 г. — Т.Б.), которую более двух лет томили в издательстве. Книжка эта, как мне кажется, завершает тему, начатую мной в первой повести и продолженную во второй.

Это и толкнуло меня на мысль переиздать эти три вещи в одной книге, под одной крышей. Сведенные вместе, они, мне думается, прозвучали бы неплохо, к тому же это дало бы мне возможность закончить, наконец, столько раз откладываемый в сторону роман («Жизнь как жизнь». — Т.Б.), и хотя надежды на это мало, намереваюсь поехать в Москву.

Хотелось бы увидеть Вас. В жизни моей намечаются, кажется, существенные перемены, и мне очень нужно с Вами поговорить. Не могли бы Вы написать, когда мне удобнее в Москву приехать и как предупредить Вас о своем приезде.

Рассказ «Половодье» с Вашим письмом после долгих раздумий отослал на имя главного редактора «Нового мира» в конце декабря прошлого года. Через три месяца, беспокоясь, нашло ли мое послание адресата (почта в связи с небывалой распутицей отправлялась всяким попутным транспортом), напомнил о себе. Еще через три месяца, не получив ответа, по-настоящему забеспокоился и написал еще раз, но уже в отдел прозы, попросив извинить меня, если мое беспокойство молчанием журнала необоснованно. Ответа пока нет. Не знаю, но мне кажется, что решить судьбу рассказа за полгода все-таки можно. Пишу Вам об этом к тому, что боюсь, не было бы у Вас каких-нибудь неприятностей в связи с тем, что я Ваше письмо использовал как письмо рекомендательное.

Сейчас, несмотря ни на что, настроение у меня бодрое.

Здоровья Вам и всего хорошего.

Любящий Вас В. Белокрылов.

(В РГАЛИ хранится дарственная надпись В. Белокрылова на титуле книги «Завязь»: «Константину Михайловичу Симонову — искренне, от всей души. В. Белокрылов. 16.6.1973 г. с. Дерезовка»).

20.01.1975 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Дела, ради которых я приезжал в Москву, в общем-то, не столь уж важны, для меня же они и значительны, и неотложны. Дела эти — прикидка с целью попасть на Высшие литературные курсы, выяснение обстоятельств, связанных с переизданием сведенных под общую обложку молодежных повестей и, наконец, попытка узнать о судьбе своих рассказов, которые вот уже больше двух лет без всякого движения лежат в «Новом мире».

Если с курсами и с изданием книжки хоть в какой-то мере что-то намечилось или проявилось, то ничего этого я не могу сказать по поводу рассказов.

Один из них — «Половодье» — по многим причинам очень дорог мне. Если Вы помните, он был прочитан Вами, и я, по Вашему совету, вместе с Вашим письмом отправил его в «Новый мир»! Через полгода я получил письмо за подписью ст(аршего) ред(актора) прозы И. Борисовой, которая сообщала, что рассказ понравился, что они его намерены опубликовать и просила прислать еще один-два рассказа, чтобы составить цикл. Я в это время сидел над романом и послал только один рассказ. Вскоре я сам поехал в Москву и, естественно, зашел в «Новый мир». Борисовой не оказалось, и я говорил с членом редколлегии Ф. Тауриным, который заверил, что рассказы пойдут. Наконец, уже совсем недавно, я получил, опять же от Борисовой, письмо, смысл которого был для меня не совсем ясен, хотя я и догадывался, что эта неясность связана с приходом в журнал нового редактора.

В этот свой приезд я опять был в «Новом мире». И. Борисовой опять не оказалось — ушла в декретный отпуск, разговор же с Тауриным шел в том плане, что все пока неопределенно и поэтому, хотя рассказы нравятся, он как редактор отдела прозы ничего не может обещать. Более того, он осторожно дал мне понять, что может уйти из журнала, а поскольку Борисова, как мне кажется, уже ушла, то рассказы мои, надо думать, так и останутся лежать, как ненужное наследство ушедших из журнала людей.

Не знаю, сможете ли Вы как-то помочь мне — то ли обратить внимание Наровчатова на эти мои рассказы, то ли... В общем, не знаю даже, что тут можно сделать. Мне трудно просить Вас об этом, но другого выхода у меня нет. Так сложилось, что я застрял над романом, долгое молчание насторожило многих, и только публикация в столичном журнале, публикация именно сейчас, когда я на перепутье, благотворно сказалась бы на всем: облегчило бы возможность попасть на литературные курсы, ускорило бы издание книжки, помогло бы небесцельно предлагать что-то в другие журналы, изменило бы, наконец, отношение ко мне товарищей из Воронежа, куда я безуспешно пытаюсь перебраться вот уже второй год.

Вот, пожалуй, то главное, о чем мне нужно было поговорить с Вами после нашей короткой встречи в ЦДЛ.

Всего Вам доброго, всегда Ваш В. Белокрылов.

(Ответ на письмо — телеграмма Симонова).

09.02.1975 г.

Дерезовка Белокрылову.

Послал письмо Наровчатову (тчк) Будем ждать (тчк)

Константин Симонов.